

УДК 341.7(470+430) "1740/1743"

Собко Е.М.

Московский государственный университет культуры и искусств

**РОССИЯ, ПРУССИЯ И «АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО»:
ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

E. Sobko

Moscow State University of Culture and Arts

**RUSSIA, PRUSSIA AND "THE AUSTRIAN SUCCESSION": THE PROBLEMS OF
FOREIGN POLICY STRATEGY OF SAINT-PETERSBURG'S DIPLOMACY**

Аннотация. Статья посвящена изучению российско-прусских отношений в контексте внешней политики России в период войны за австрийское наследство. В ней анализируются союзные договоры, заключенные между Россией и Пруссией в 1740 и 1743 гг. и делается вывод об их малой эффективности. Анализируются цели и задачи российской и прусской дипломатии, вскрываются причины, приведшие к охлаждению российско-прусских отношений. Главный вывод статьи: в ходе войны за австрийское наследство наблюдалась эволюция взглядов на развитие российско-прусских отношений в российских правящих кругах, что было связано с осознанием опасности, исходившей от Пруссии. Это привело к изменению внешнеполитического курса России.

Ключевые слова: война за австрийское наследство, российско-прусские отношения, внешняя политика России, российско-прусские союзные договоры, российская дипломатия.

Abstract. The article is devoted to the problems of the Russian-Prussian relations in the context of Russian foreign policy during the War of the Austrian Succession. The author analyzes the treaties of alliance concluded by Russia and Prussia in 1740 and 1743 and comes to the conclusion that they were not effective. The article considers the tasks and goals of Russian and Prussian diplomacy, reveals the reasons which led to the deterioration of the Russian-Prussian diplomatic relations. The main conclusion of the article is: there was certain development in the Russian establishment representatives' understanding of Russian-Prussian relations during the War; such development was based on their increasing degree of awareness of the dangers coming from Prussia. The result of such development was the change of the Russian foreign policy course.

Key words: War of the Austrian Succession, Russian-Prussian relations, Russian foreign policy, Russian-Prussian treaties of alliance, Russian diplomacy.

*Нет ничего в мире, что бы я
не сделал для того, чтобы
жить в мире с этой империей.
Фридрих II*

Изучение истории двусторонних межгосударственных отношений всегда является актуальным, а в наше время поиск взаимных компромиссов и попыток сближения в сложных хитросплетениях европейской дипломатии приобретает особую злободневность. Проблемы межгосударственных отношений в годы коалиционных войн высвечиваются наиболее ярко. Данная статья предусматривает изучение двусторонних отношений России и Пруссии в период войны, получившей в XIX в. название «Война за австрийское наследство» (1740-1748). В историографии мало работ, комплексно рассматривающих войну за австрийское наследство [10; 13; 12; 4], а исследований, специально посвященных российско-прусским отношениям

в ходе войны, – единицы [11; 14; 2]. Задача настоящей статьи: рассмотреть российско-пруссские дипломатические отношения в контексте внешней политики России в ходе войны за австрийское наследство. Это позволит комплексно изучить вопрос, что является подходом к определению места России в системе общеевропейских отношений в ходе войны за австрийское наследство.

Прежде чем перейти к изучению российско-пруссских отношений в период войны за австрийское наследство, рассмотрим вкратце проблемы российско-пруссских союзных связей в годы, предшествовавшие военному конфликту в Европе.

Договоры между Россией и Пруссией были заключены в 1726, 1729 и 1730 гг. Чтобы понять их смысл, рассмотрим, где пересекались сферы интересов России и Пруссии. Это были две «болевые точки» – Польша и Прибалтика. Говоря о Прибалтике второй четверти XVIII в. применительно к нашему вопросу, мы имеем в виду, конечно, Курляндию. Одним из итогов Северной войны было то, что владения данного герцогства стали «лакомым куском» для пограничных государств. Главными претендентами здесь выступили Прусское королевство, Россия и Польша. России было выгодно иметь в Европе государство, которому присоединение Курляндии к Польше было бы крайне нежелательно. Этим государством и была Пруссия. Поэтому в соглашениях, подписанных между Россией и Пруссией во второй половине 20-х – начале 30-х гг., обе стороны подтверждали тождественность своей политики по отношению к Курляндии. [5, с. 245-247, 269-271, 286-288]. Второй сферой пересечения интересов России и Пруссии в Европе была Польша. Несмотря на различие точек зрения на «польский вопрос», основу русско-пруссских соглашений во многом составляло согласие сторон в отношении Польши. [5, 258-259; 276; 288-290]. В годы после заключения договоров конца 20-х гг. Пруссия неоднократно обращалась к российскому правительству с предложением о возобновлении союзного договора, но Россия отвечала уклончиво. Союзный трактат был возобновлен только в 1740 г.

1740 г. ознаменовался смертью трех правителей европейских держав: императора Священной Римской Империи Карла VI, российской императрицы Анны Иоанновны и прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Эти события, совпав по времени, резко изменили ситуацию в «общевропейском доме». В Пруссии к власти пришел Фридрих II (1740-1786). Скромность двора его отца, вызывавшая насмешки в Европе, и внутренняя политика Фридриха-Вильгельма I привели к тому, что Фридрих получил в наследство сильное в военном отношении государство с хорошо обученной армией [8, с. 22-23]. Общеизвестны личностные качества Фридриха: цинизм и ум полководца, коварство и политический расчет, непомерное честолюбие и смелость. Ни один европейский монарх, вероятно, не решился бы на то, что сделал Фридрих: в декабре 1740 г. он вторгся в Силезию – богатейшую провинцию, принадлежавшую дочери и наследнице Карла VI Марии-Терезии. Это событие и привело в итоге к началу войны за австрийское наследство.

В начале декабря 1740 г. прусский посланник в Петербурге А. Мардефельд подал официальное сообщение в Коллегию Иностранных дел о вводе Пруссией войск в Силезию. Напомним, что у России в 1726 г. был заключен союз с Австрией. Понятно, что в разворачивающихся событиях Россия, являвшаяся, кстати, и гарантом Прагматической Санкции, выступала как союзница монархии Габсбургов. Поэтому реакция российского правительства, официально заявившего 16 декабря 1740 г.: «Нам неприятно прусское вторжение в Шлезию», – была вполне естественной. Но вот в тот же день Россия подписывает союзный договор с Пруссией [2, с. 180]! В источниках и историографии имеется ряд объяснений этому факту. Пруссия могла стать хорошим союзником против Швеции, не терявшей надежды на ревизию Ништадтского мира, а А.И. Остерману и Б.-Х. Миниху представлялось на тот момент самым важным сохранить мир со Швецией [3, с. 88; 9, с. 64]. Существуют и другие объяснения данного явления [9, с. 65]. Какими бы мотивами не

объяснялось подписание договора с Пруссией, – факт остается фактом: в начинающейся войне Россия связывала себя союзными договорами и с Пруссией, и с враждебной ей монархией Габсбургов.

Основное содержание союзного договора между Россией и Пруссией состояло в следующем. В трактате заявлялось: «Их Величества и наследники оных при праведном и спокойном владении своих государств, провинций и земель, как генерально, так и особливо тех, которые обоим Их Величества при Балтийском море имеют друг друга наисильнейше защищать и против всякого, кто дерзнул одну или другую договаривающую сторону насильственно и несправедливо атаковать и войною подняться, верно вспомогать и оборонять хотят» [5, с. 320]. Иначе говоря, стороны договаривались защищать друг друга в Балтийском регионе и оказывать военную помощь в случае нападения третьей страны на одно из договаривающихся государств. Однако данное обязательство не распространялось на случаи вторжения в Россию турок, татар или персов, а также на военные конфликты Пруссии в Центральной и Южной Европе [5, с. 320]. В трактате указывалось, что следует сохранить независимость Курляндии, ее форму правления, уставы и вольности [5, с. 328]. Соглашение заключалось сроком на 20 лет [5, с. 326]. Пакт дополнялся одной сепаратной и тремя секретными статьями. Стороны подтвердили стремление «смотреть и попечение прилагать» о Польше, с тем, чтобы сохранить существовавшие законы и порядок правления [5, с. 329]. В секретнейшем артикуле Российской империя признавала права Пруссии на княжества Юлих и Берг (прусская дипломатия долго добивалась того, чтобы Россия признала права Прусского королевства на эти княжества). Кроме того, Россия обещала защищать прусские земли в Померании, а ее союзница – оказать военную помощь в случае нападения «в Эстляндии, Лифляндии или на Литовских границах» [5, с. 331]. Позиция прусской дипломатии состояла в следующем: «договор давал надежду на развитие дружественных отношений между Пруссией и Рос-

сией и выработку соглашения с австрийским правительством на основе передачи Нижней Силезии во владение прусской короны. Также Фридрих II устранял опасность российского военного вмешательства в германский конфликт» [2, с. 183]. Иначе говоря, цели заключения договора шли в фарватере политики Фридриха II по захвату Силезии – нейтрализовать Россию в прусско-австрийском военном конфликте и, возможно, заручиться ее поддержкой в этом вопросе. Если считать главной задачей, которую преследовала Россия при заключении договора, ее стремление получить поддержку Пруссии в войне со Швецией, то она не была решена [3, с. 88-89]. Как, впрочем, не была решена и задача прусской стороны – Россия отвечала отказом на просьбы Пруссии о помощи в войне с Австрией.

Австрийское правительство, в свою очередь, также неоднократно обращалось к Российской империи с просьбой оказать военную поддержку [7, с. 281-286]. Но Россия, как, кстати, и Англия, ограничилась лишь дипломатической поддержкой Австрии.

Итак, все союзники не были намерены выполнять обязательства связывавших их договоров. Это и понятно (с точки зрения дипломатии) – события вокруг Силезии только начали разворачиваться, Мария-Терезия оказалась фактически в изоляции, вчерашние гаранты Прагматической Санкции также стали предъявлять претензии на «австрийское наследство», в марте 1741 г. Франция вторглась в германские земли. Иными словами, дальнейший ход событий был совершенно непонятен, а оказание помощи той или иной стране неизбежно вовлекало державу в состояние войны со многими европейскими государствами. Не будем забывать также о том, что внутривосточная ситуация в России в 1740-1741 гг. отличалась крайней нестабильностью. (Это хорошо понимали европейские державы, в частности, Фридрих II отдал приказ о вводе войск в Силезию только после того, как пришло известие о смерти Анны Иоанновны, полагая, что теперь российское правительство будет занято внутри-

политическими проблемами.) Помимо всего прочего, в 1741 г. Россия, как и Великобритания, еще рассчитывала на мирное разрешение прусско-австрийского конфликта.

После прихода к власти Елизаветы Петровны ряд посланников иностранных держав были отозваны из Петербурга. Прусский посланник в Петербурге А. Мардефельд, находившийся в России в ранге полномочного министра с 1728 г., сохранил за собой свой пост, благодаря позиции Фридриха II.

Между тем события, вошедшие в историю как «Первая Силезская война», завершились подписанием в 1742 г. Бреславского мира между Пруссией и Австрией, по которому Пруссия получала почти всю территорию Силезии. Вскоре Фридрих II предложил императрице Елизавете заключить на основе трактата 1740 г. новый договор. Каковы же были цели прусской дипломатии? Для прусской стороны главной целью являлось признание совершенных Фридрихом завоеваний, установка на то, что Россия не перейдет на сторону врагов Пруссии и императрица Елизавета не пошлет корпус на помощь Марии-Терезии. Кроме того, в случае заключения союза Прусское королевство не подвергнется нападению с севера. Что касается России, то для нее в русско-пруссских отношениях по-прежнему главным являлось достижение договоренности об единой политике по отношению к Польше и Курляндии.

Елизавета Петровна дала согласие начать переговоры о возобновлении союзного трактата, и 16 (27) марта 1743 г. соглашение было подписано. В предисловии к статьям – артикулам – назывались титулы монархов-участников. Титулатура Фридриха II стала более полной по сравнению с той, которая указывалась в договоре 1740 г. В 1743 г. Фридрих II был назван правителем Силезии, Гляца, Юлиха и Берга, чего не было в договоре 1740 г. [5, с. 317-318]. Это свидетельствовало о признании за ним данных владений. После общих заверений об «истинной и постоянной дружбе» шла статья, которая конкретно определяла, в чем эта дружба должна выражаться. Обе стороны договорились «наи-

крепчайшим образом друг друга содержать, и против каждого, который бы дерзнул на одну или другую договаривающуюся сторону силою и неправдою напасть и войну навестить, верно вспомогать и защищать ...» [5, с. 341]. Иначе говоря, речь шла о помощи союзнику в случае несправедливого нападения третьей державы. Ниже конкретизировалась численность «вспомогательных войск». Оговаривалось, что при необходимости военная помощь может быть заменена денежной [5, с. 342, 345-346]. Трактат дополнялся двумя секретными статьями. В них говорилось о единой политике в Курляндии и Польше [5, с. 348, 350]. Далее следовали два «сепаратных артикула». В первом подчеркивалось, что прусская помощь не распространялась на военные конфликты России с Турцией, Персией и крымскими татарами. Кроме того, действие трактата не распространялось на Финляндию – до тех пор, пока не будет подписан мирный договор России со Швецией. Во втором говорилось о поддержке лиц, живущих в Польше, которые не исповедовали католичество [5, с. 350-352]. Договор должен был действовать в течение 18-ти лет.

Помимо заключения данного соглашения, 1743 г. ознаменовался для России во внешнеполитических делах заключением Абоского мира со Швецией, а в «околодипломатических» – так называемым заговором Лопухиных-Ботта [9, с. 224-231]. Его результатом было ухудшение русско-австрийских отношений.

Между тем война за австрийское наследство набирала свои обороты. В 1743 г. для вытеснения Франции из германских земель была сформирована так называемая Прагматическая армия, состоявшая из британских, австрийских и ганноверских войск. Для европейских держав, втянутых в военный конфликт и, в частности, для Пруссии, была важна позиция России. Так, уже в 1743 г. России нужно было сделать выбор.

Чтобы уяснить себе позицию России в общеевропейском конфликте, нужно иметь в виду, что она во многом зависела от российской внутривосточной обстановки. Раз-

личные придворные группировки «лоббировали» интересы разных европейских стран. В самом начале царствования Елизаветы большое влияние на императрицу оказывала так называемая «французская партия», главную роль в которой играл французский посол в Петербурге Ж.И. Шетарди. Сторонниками развития российско-прусских отношений были лейб-медик императрицы Елизаветы И.-Г. Лесток и М.И. Воронцов, ставший с 1744 г. вице-канцлером. Что касается такой влиятельной фигуры в российских дипломатических кругах, как А.П. Бестужев-Рюмин (вице-канцлер, а затем канцлер правительства Елизаветы), то он не сразу стал убеждённым сторонником союза России с Англией и Австрией [2, с. 211]. В 1741-1743 гг. его позиция в отношении Пруссии была вполне лояльной, что доказывает сам факт его руководства российско-прусскими переговорами о заключении союзного трактата, проходившими в 1742-1743 гг. Однако в дальнейшем Бестужев-Рюмин все больше проникался антипрусскими настроениями, став в итоге убежденным сторонником союза России с Австрией и морскими державами. Императрица Елизавета довольно долго не могла решиться принять ту или иную сторону.

В августе 1744 г. Пруссия возобновила войну с Австрией и вторглась в Саксонию. И Пруссия и Саксония обратились к России за военной поддержкой. Россия, будучи союзницей двух воюющих сторон (оборонительный союз с Саксонией был возобновлен 4 февраля 1744 г.), оказалась в сложной ситуации. Надо сказать, что Пруссия, по-прежнему декларируя «дружбу» с Российской империей, делала все возможное, чтобы испортить отношения – стремилась за спиной России заключить союзы с враждебными ей Швецией и Турцией, вела интриги, направленные против российских представителей в Варшаве и т. д. Такая двойная игра была вполне в духе Фридриха II, но не способствовала росту симпатий к его королевству при русском дворе. Так или иначе, в 1744 г. Россия воздержалась от каких-либо активных действий на международной арене. Прусские войска продолжали военные

действия, и довольно успешно, нанеся летом 1745 г. новые поражения войскам Австрии и Саксонии. Это не могло не тревожить Россию, поскольку военное поражение Саксонии привело бы к усилению прусского влияния в Польше (как известно, саксонский курфюрст был одновременно и польским королём).

России, наконец, необходимо было занять четкую позицию по вопросам проведения внешней политики. 3 октября было принято окончательное решение: оказать Саксонии военную помощь. Итак, в октябре 1745 г. Россия сделала свой выбор: решение оказать помощь Саксонии означало переход России в лагерь врагов Пруссии. Хотя прусский посланник в Петербурге Мардефельд писал, что военные шаги России не представляют опасности, Фридрих II боялся военного вмешательства России в конфликт. С.А. Мезин отмечает, что «тема русской опасности» постоянно присутствовала в высказываниях Фридриха II [6, с. 151]. Что касается России, то, как указывалось выше, в ее правящих кругах в первые годы войны за австрийское наследство отсутствовало единство взглядов по вопросам проведения внешней политики. Тем не менее нам представляется, что можно выявить следующую тенденцию. В ходе войны за австрийское наследство можно проследить эволюцию отношения России к Пруссии. Если начальный период войны характеризовался подписанием союзных договоров, то постепенно все более четко вырисовывалась позиция России, которую можно охарактеризовать как «страх перед поднимающейся Пруссией». И дело было не только в Саксонии, нападение на которую затрагивало российские интересы в «польском вопросе». В российских правящих кругах, несмотря на отсутствие единства взглядов, стали все больше осознавать, каким опасным и непредсказуемым являлся германский сосед. Чего стоит, например, следующая формулировка цели собрания в Коллегии Иностранных дел: «для отвращения или по востребующему случаю для предупреждения иногда внезапно от него (Фридриха II – Е.С.) быть могущего на российские владения нападения» (7 января

1746 года) [1, с. 1]. Итак, страх был у Пруссии, страх все более нарастал и в России. В такой ситуации вряд ли можно было ожидать продолжения дружественных контактов. Все это усугублялось «двойной игрой» прусской дипломатии, игнорированием России в вопросах урегулирования военного конфликта. Конечно, «прусская сторона» тоже могла предъявить свой счет России – последняя не отвечала на постоянные просьбы Пруссии о «вспоможении». Но точно так же поступил и Фридрих, когда Россия обратилась к Пруссии за помощью в войне со Швецией. Таким образом, можно заключить, что подписанные в 1740 и 1743 гг. союзные договоры оказались малоэффективными. Они лишь предотвратили в какой-то мере конфликты России и Пруссии из-за Курляндии и Польши и на начальном этапе войны за австрийское наследство обеспечили Фридриху невмешательство России в военные действия, направленные против Австрии. Позиция России осложнялась ее союзническими обязательствами перед Австрией и Саксонией. Последняя в конечном итоге и определила исход дела: Россия решила ее поддержать, положив конец своим прусско-английско-австрийским колебаниям. Но, подчеркнем еще раз, не нападение Пруссии на Саксонию было решающим фактором, позволившим России занять свою четкую антипрусскую внешнеполитическую позицию, а окончательное осознание опасности, исходившей от Пруссии. Данная внешнеполитическая позиция определилась осенью 1745 г. Таким образом, осознание опасности Пруссии привело к изменению российского внешнеполитического курса. В историографии этому вопросу уделялось мало внимания, а между тем понимание данного факта позволяет по-новому осмыслить внешнеполитическую стратегию России в ходе войны за австрийское наследство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив князя Воронцова / Под ред. П.И. Бартенева. Кн. 7. Дневник докладов Коллегии Иностранных дел. 1746 г. – М., 1875.
2. Емелина М.А. Российско-пруссские отношения во внешнеполитической «системе» А.П. Бестужева-Рюмина (1741-1750). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 422 с.
3. История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Г.А. Санин. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 304 с.
4. Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740-1750. – М.: ОГИ, 2000. – 408 с.
5. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – СПб.: тип. М-ва пут. сообщ., 1880. – Т. V: Трактаты с Германиею. – 408 с.
6. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. – 2002. – №. 10. – С. 148-157.
7. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов (русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.). – М.: Квадрига, 2010. – 408с.
8. Перцев В.Н. Германия в XVIII веке. – Минск: Белорус. Гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1953. – 78 с.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 21 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. – М.: Голос, 1993. – Кн. XI.
10. Соловьев С.М. Политика России во время войны за австрийское наследство. – СПб.: Печатня В. Головина, 1867. – 45 с.
11. Феоктистов Е.М. Отношение России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. – М.: Унив. тип., 1882. – 204 с.
12. Andersen M.S. The War of the Austrian Succession. 1740-1748. – London and New York, 1995. – 248 s.
13. Browning Reed. The War of the Austrian Succession. – New York, 1994. – 480 s.
14. Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum Europaischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. – Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1952. – 820 s.